

Петухов В.Б.

ПОНЯТИЕ «ЖЕРТВЫ ТЕРРОРИЗМА»: СМЫСЛОВЫЕ И КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ НЮАНСЫ

Аннотация. Объектом исследования являются жертвы терроризма, а предметом – классификация жертв терроризма. Автор отказывается от узкой криминологической трактовки понятия «жертвы терроризма» и соответствующих попыток их типологизации и классификации. Понятие «жертвы терроризма» рассматривается с учетом семиотических и этимологических нюансов его смыслового содержания. Ввиду сложности самого понятия «терроризм», при классификации жертв терроризма автор обращает особое внимание на устрашающий фактор террористического воздействия как на центральный в определении особенностей жертв терроризма. Методология исследования основывается на междисциплинарном и информационно-семиотический подходах, принципах системного структурно-функционального анализа Т. Парсонса. Новизна статьи заключается в попытке автора представить собственную классификацию жертв терроризма. В предложенной им классификации жертв терроризма были выделены такие важнейшие системные звенья, как «жертвы террора», «жертвы террористических актов», «жертвы террористической пропаганды», и «жертвы терророфобии», даны их общие характеристики. В статье сформулирована оригинальная гипотеза формирования «стокгольмского синдрома» под влиянием родственников и близких жертв террористических актов.

Ключевые слова: Виктимология, жертвы терроризма, классификация, террор, терророфония, жертвы террористических актов, террорократия, структурно-функциональный анализ, террористическая пропаганда, междисциплинарный подход.

Abstract. The object of this research is the victims of terrorism, while the subject is the classification of the victims of terrorism. The authors rejects the confined criminological interpretation of the notion of “victims of terrorism”, as well as the corresponding attempts of their typologization and classification. The term “victims of terrorism” is examined considering the semiotic and etymological nuances of its conceptual content. Due to the complexity of the notion of “terrorism” itself, in classification of the victims of terrorism, the author gives particular attention to the terrifying factor of the influence of terrorism as the crucial in determination of peculiarities of the victims of terrorism. The scientific novelty consists in the author’s attempt to suggest the original classification of the victims of terrorism. In the proposed classification, the author highlights such imperative systemic aspects as the “victims of terrorism”, “victims the terrorist acts”, “victims of terrorist propaganda”, and “victims of terrorophobia a”, as well as gives their general characteristics. The article formulates the original hypothesis of establishment of the “Stockholm syndrome” under the influence of the families and relatives of the terrorist acts.

Key words: structural-functional analysis, power of terror, victims of terrorist acts, terrorophobia, terror, classification, victims of terrorism, Victimology, terrorist propaganda, interdisciplinary approach.

Осознание терроризма как глобальной проблемы современного мира, угрожающей фундаментальным основам социальной безопасности, давно уже стало аксиоматичным общим утверждением, исходящим от политиков, представителей государственной власти, средств массовой информации и ученых-террорологов. В большинстве случаев

в центре внимания научных экспертов оказывается анализ террористической деятельности. В гораздо меньшей степени исследуется виктимологический аспект терроризма, включающий в себя характеристику жертв.

Предметом исследования данной статьи является классификация жертв терроризма. Цель исследования заключается в выработке ново-

го виктимологического подхода к классификации жертв терроризма, расширяющего границы изучения последствий террористического воздействия.

Виктимология терроризма в российской научно-исследовательской юридической литературе с конца XX века с подачи Д. В. Ривмана и В. С. Устинова [18] считается частной виктимологической теорией в рамках отрасли криминологических знаний. Однако, как справедливо отметил П. А. Кабанов: «... до настоящего времени отечественными специалистами не выработаны базовые понятия этого важного научного направления, не описаны границы его предметного поля, не указано его место в системе наук, не раскрыта его социальная сущность, не обозначены его цели, задачи и перспективы развития» [4]. Из достаточно серьезных попыток теоретического осмысления рассматриваемой проблемы следует назвать монографию И. Г. Малкиной-Пых «Психология поведения жертвы», где она в третьей главе выделяет специальный параграф «Виктимология терроризма», в котором дает психологические характеристики поведения жертв в экстремальных условиях терактов [10]. Вместе с тем, можно констатировать, что на современном этапе теоретическая база виктимологии терроризма как особого научного направления, находится на стадии своего начального научно-концептуального оформления. Одним из важнейших вопросов организационного и доктринального формирования этого направления, на наш взгляд, следует считать определение места виктимологии терроризма в системе социально-гуманитарных знаний. Его, ни в коей мере, не нужно ограничивать рамками криминологии и правопедания. Ввиду сложности и многогранности понятия «терроризм», предметное поле виктимологии терроризма должно размещаться в широком междисциплинарном диапазоне, включающем кроме криминологии такие отрасли знаний как политология, психология, социология, культурология. Только при этом условии возможно построение целостной виктимологической теории, способной систематизировать данные о жертвах терроризма.

Методологическая основа предпринятого исследования базируется на междисциплинарном подходе к изучаемой теме. Комплексное исследование проблемы опирается на концепции структурно-функционального анализа Т. Парсонса, сформировавшего представления автора статьи о системном характере терроризма. Проекция

данного метода на виктимологический аспект позволила систематизировать жертвы, исходя из корреляции стратегических и тактических мишеней террористического воздействия.

Прежде чем приступить к классификационному анализу, рассмотрим ключевой термин «жертва терроризма». Категория «жертва» – фундаментальное понятие в виктимологии. Ее определение представляется обычно в формулировках юридической и психологической направленности и рассматривается в криминологической системе координат. С точки зрения Д. В. Ривмана «жертва – это преимущественно физическое лицо, которому непосредственно причинен вред» [17, 33-34.]. В трактовке В. Е. Христенко: «жертва – это человек (сторона взаимодействия), который утратил значимые для него ценности в результате воздействия на него другим человеком (стороной взаимодействия), группой людей, определенными событиями и обстоятельствами» [20]. Оба представленных определения носят концептуально обобщенный юридически-правовой характер. Вместе с тем, нельзя забывать первоначальное этимологическое значение данного термина, указывающее на объект ритуального действия, умерщвляемый во имя осуществления сверхъестественной связи с божеством. В ранних религиозных представлениях жертвоприношение воспринималось как некий фундаментальный символический акт. Рискну предположить, что в протеррористическом сознании носителей терроризма, отягощенном мифологическими элементами, на подсознательном уровне присутствует представление о жертвах теракта, соответствующее архаическим обрядовым рефлексиям. В пользу этого следует учесть то огромное значение, которое придается при организации теракта символическим факторам выбора места, определения мишеней, ритуализированным формам исполнения террористических действий. При рассмотрении исследуемой категории, на наш взгляд, необходимо иметь в виду данный архетипический посыл.

Для цели же данного исследования необходимо выработать рабочее понятие, заостренное на специфике террористического воздействия. Наиболее близкое нашим представлениям определение понятия «жертва терроризма» в правовом контексте было дано П. А. Кабановым. По его мнению жертва терроризма – это «физическое или юридическое лицо, которому террористическим актом или террористической деятель-

ностью причинен физический, материальный, моральный либо репутационный вред» [4].

С криминологической точки зрения жертвы терроризма всегда являются жертвами преступления, повлекшего за собой гибель людей или причинение им вреда. Современные террористические преступления, как правило, сопровождаются убийствами людей. За период с 1991 по 2015 год в Российской Федерации в террористических актах погибло 2765 человек (Подсчитано автором по опубликованным материалам российских СМИ и таблице «Хронология крупных террористических актов в РФ за период с 19991 по 2011 гг.» в книге: «Белая книга террора. Люди. События. Факты» – М.: «Голос-Пресс», 2011 С. 286 – 299.). Однако, целью террористов является не только массовое убийство само по себе, а формирование в обществе атмосферы постоянно нависшей угрозы неожиданного террористического нападения, подстерегающего людей неизвестно где, неизвестно когда. Бытующее в некоторых официальных источниках и в СМИ использование термина «жертвы терроризма» как категории, фиксирующей число погибших в терактах, не отражает полноты содержания данного понятия, сужает его, ограничивая общее количество пострадавших. Так, если мы выясним статистику всех пострадавших участников терактов, то количество жертв в России с 1991 по 2015 год увеличится до 15 835 человек. Но и этот показатель может быть увеличен в два, а то и в три раза с учетом родственников пострадавших, которых также можно отнести к жертвам терроризма, ввиду причинения им ущерба, связанного с потерей или болезнями близких. Таким образом, виктимологическое смысловое содержание изучаемого понятия имеет тенденцию к расширению атрибутивной принадлежности.

В криминалистической атрибуции термина «жертва терроризма», воспроизводимой исследователями-правоведами, нередко в тени остается основной фактор терроризма – фактор устрашения, который, чаще всего, фиксируется достаточно бегло и формально. Поэтому автором данной статьи предлагается следующая формулировка понятия: *«жертва терроризма – это человек или определенная социальная группа, подвергшаяся насильственному террористическому воздействию, сопровождающемуся непременным устрашением личности и социума»*. При этом автор исходит из понимания терроризма как «комплексного социально-политического

явления, основанного на перманентном демонстративном устрашении социума и власти посредством жестких, политически мотивированных актов» [13, 25]. Жертвы терроризма в этом случае имеют следующие характерные черты: 1) являются пострадавшими; 2) испытывают на себе насильственное устрашение; 3) выполняют символическую роль «передатчика» терророзной информации; 4) служат инструментом давления на индивидов, общественное мнение и властные структуры.

Для предметного объективного виктимологического исследования необходима определенная классификация жертв терроризма, маркирующая внутренние границы их состояния и степени включенности в трагические события. Попытка подобного разграничения была предпринята К. В. Вишневецким [2]. В предложенной им трехчленной схеме (прямые жертвы – косвенные жертвы – местное население) дифференциация участников затрудняется параллелизмом категории «вторичные жертвы» и «косвенные жертвы», а также аморфностью представления местного населения, как особого объекта террористического воздействия. Т.В. Макарова предложила схему типологизации жертв терроризма строить исходя из двух следующих формообразующих принципов: 1) степень взаимодействия между преступником и жертвой; 2) роль жертвы в совершенном преступлении [8]. В первом случае она выделила прямые (непосредственные) и косвенные (опосредованные) жертвы. Во втором случае она зафиксировала четыре типа жертв: с нейтральным; сочувствующим (положительным); неправомерным (провоцирующим) и правомерным поведением. Оба предложенных варианта типологизации характеризуются узко криминологическим подходом. В них фактически игнорируется социально-политическая и социокультурная обстановка вокруг преступлений террористического характера, информационно-устрашающая природа террористического воздействия. Не понятны мотивы включения в состав прямых жертв юридических лиц, представляющих объекты стратегического назначения (АЭС, ГЭС, объекты общественного транспорта, объекты инфраструктуры, места общего пользования). Само значение их с точки зрения национальной и социальной безопасности несомненно, но это обстоятельство не позволяет считать их прямыми жертвами. Вызывает недоумение формулировка первой категории прямых жертв: «лица, физически вовлеченные

в исполняемый теракт: заложники, жертвы насилия, взрывов, массовых отравлений и т.п.)» [8]. Первая часть этого определения по фразеологическому смысловому значению соотносима с самими террористами. Третья категория прямых жертв, в выделенной Т. В. Макаровой схеме, состоит из «лиц, чье имущество было уничтожено» [8]. Здесь также употреблена некорректная формулировка, так как уничтоженное имущество может принадлежать в том числе и исполнителям теракта. Что касается характеристики косвенных жертв, то кажется несуразным формальное объединение в одной группе родственников и близких пострадавших и террористов, «принужденных к исполнению теракта посредством насилия, обмана, длительной и профессиональной психологической обработки» [8]. Неприемлемой выглядит типологизация жертв терроризма по критерию «роль жертвы в совершенном преступлении». Обобщая критические замечания, можно прийти к заключению о необходимости выработки новых подходов к классификации жертв терроризма.

Фундаментальными основаниями в конструировании классификационной системы должны стать междисциплинарные связи, отражающие устрашающую суть террористического воздействия; социально-политическую природу возникновения террористических угроз, включая этнонациональные, конфессиональные, корпоративные и иные противоречия; криминологическую предопределенность осуществления этих угроз; психологические особенности восприятия людьми террористической опасности; информационную составляющую распространения и развития терроризма. Внутри обобщающей категории «жертвы терроризма» предлагается выделить четыре дифференцированных, но взаимосвязанных категории, представляющих собой относительно самостоятельные структурные единицы: «жертвы террора», «жертвы террористических актов», «жертвы террористической пропаганды», «жертвы терророфонии». Требуется некоторых пояснений включение в классификационную схему понятия «жертвы террора». Вплоть до 1940-х годов в общественно-политической практике и исследовательской литературе термины террор и терроризм использовались как синонимичные и взаимозаменяемые, идентичные по смысловому значению. Но, к середине XX века, в связи с появлением многочисленных разновекторных террористических организаций в научно-исследовательских

кругах появилось разграничение между понятием «террор», под которым понималась репрессивная государственная политика, и понятием «терроризм», обозначающим оппозиционные официальным властям террористические организации. Мотивировалось это разграничение необходимостью четкой юридической квалификации преступлений террористического характера в судебной практике. Со временем между государственным террором и оппозиционным терроризмом юристами были возведены непроницаемые границы. Вне всякого сомнения, «государственный террор» и «оппозиционный терроризм» отличаются друг от друга по масштабам, социальной базе, организационной структуре, формам и методам деятельности. Однако, генотипически и сущностно оба они основываются на признании террора «способом управления социумом посредством превентивного устрашения» [11, 155].

Категория «жертвы террора» соотносится с индивидуумами или группами людей, подвергшиеся насильственным репрессиям со стороны государства, господствующей социально-политической системы, со стороны любой организованной властной силы. Мощным источником, от которого исходит устрашающая терророносная информация, направленная на социум и сфокусированная на жертвах террора, может быть государственная система. Исторический опыт такого террора от древневосточных деспотий, кровавой диктатуры Суллы в античном Риме, опричнины Ивана IV вплоть до XXI века, свидетельствует о закономерностях формирования атмосферы беспредельного страха в обществе как оплота тоталитарной системы власти. Жертвы террора могут быть прямыми (непосредственные жертвы репрессий) и опосредованными (родственники; близкие; социальные группы, находящиеся в зоне риска возможных репрессий и социум в целом). Жертвы государственного террора попадают в тиски властного механизма ужасающего действия, который отличается перманентностью, систематичностью, массовым масштабом распространения репрессий. Риск попадания в группы потенциальных репрессированных многократно выше, чем даже у вероятных жертв террористических актов. Уровень социально-психологического травматизма носит устойчивый, разносторонний и долговременный характер. Терророфоническая экзогенность увеличивается в несколько раз, что может привести к серьезным изменениям в массовом обществен-

ном сознании в сторону большей уязвимости к манипуляционным процессам. Об особенностях манипулятивного механизма террористического воздействия писал С. Кара-Мурза [6,170], ссылаясь на неупомянутые сочинения лидера французских революционеров Ж. – П. Марата, он приписывает ему теоретическое обоснование доктрины террора как орудия власти и метода управления. Но никакого системного изложения политики террора у Марата нет. Есть лишь контурная профилировка идеи о необходимости формирования в обществе атмосферы массовой истерии в целях борьбы за власть через устрашение политических противников. «Друг народа» предлагал организовывать «стихийные» погромы против контрреволюционеров всех мастей, якобы, выражающие волю народа. Провокация народного гнева, таким образом, должна была бы стать, действенным инструментом утверждения или укрепления власти. Задолго до Великой Французской революции уже существовали подобные примеры манипуляции массовым общественным сознанием. Это и инквизиционный террор средневековья, и знаменитая Варфоломеевская ночь, и погромные антисемитские выступления. Все они опирались на принцип устрашающего действия террора. Массовая истерия – это не только предвестница и предпосылка инспирируемого властью террора, она является индикатором государственно-террористического воздействия на социум. Манипулятивная модель массовой истерии конструировалась вокруг тщательно формируемого «образа врага», постоянно сгущая его отрицательные нарративы. Общественная атмосфера, в которой поиск врагов становился нормой жизни, означала, что «плавильный котел» жертв массовой истерии функционирует в активном режиме. Носители массовой истерии, в этих условиях, – первые жертвы террора. В то же время они, несомненно, являются субъектами протеррористического давления на противников власти и всех инакомыслящих. Неизбежное столкновение людей, подверженных массовой истерии, и людей, находящихся в зоне риска потенциальных репрессий, показывает усиление манипулятивных устремлений властной террорократической элиты. Вероятные мишени государственного террора испытывают чувство принадлежности к жертвам террора еще до ареста и официального обвинения. Со всех сторон их окружает атмосфера страха, пугающей неизвестности, обреченности, подозрительности, хотя где-то в глубине

теплица надежда на спасение. С арестом иллюзии рассеиваются. Страх как движущая основа террора парализует человека. Причем, это не только страх за свою собственную жизнь или страх пыток, но и страх за безопасность семьи, близких, друзей. На следующем витке развития он концентрируется и приобретает экзистенциальный характер, энтропируя во все сферы жизнедеятельности. После попадания жертв репрессий в лагерь начинается новый этап их хождения по мукам. Первоначальное шоковое состояние заключенных можно определить как прохождение сознания через пиковые бифуркационные точки от жесточайшей психической травмы, приходящей от ощущения безысходности смертоносной ситуации, до нервно-психического истощения. Этот путь постижения террора описал прошедший все круги фашистского концлагерного ада В. Франкл [19, 132 – 138]. В последующий период адаптации к террору у жертв формируется устойчивая тенденция к апатии, которая служит механизмом психологической защиты человека. Апатия погружала узников в состояние «культурной спячки», когда все помыслы сосредотачивались на одной мысли: пережить сегодняшний день. Она сопровождалась такими регрессивными формами поведения, как попытка отгородиться от окружающего мира, безучастное индифферентное отношение к происходящему вокруг, замедление двигательных реакций, ухудшение внимания и памяти, притупление сексуальных влечений, ограничение потребностей сиюминутными витальными, когда питание и отдых становятся главными, определяющими смыслами жизни. Угнетающее и постоянно давящее чувство страха вытравливало в людях надежды на будущее, сосредотачивая их мысли на примитивном настоящем с фрагментарными локальными вспышками идеализации прошлого. Как верно отметил В. Франкл: «В концлагере человека низводили до животного начала. Здесь перед нами регрессия к примитивнейшей фазе влечения к самосохранению» [19, 132]. С освобождением узников из лагерей их внутреннее состояние оставалось угнетенным долгие годы, у многих – до самой смерти. Страх и апатия для большинства жертв террора оставались в их подсознании латентными очагами притаившихся угроз безопасности человека.

Категория «жертвы террористических актов» имеет существенные особенности. В отличие от жертв террора, когда террористическое воздействие оказывается на людей длительный

период и в систематическом режиме, прямые жертвы террористических актов испытывают террористический удар внезапно и в достаточно локальный промежуток времени. В непосредственных террористических атаках, характеризующихся взрывами и демонстративными расстрелами, выжившие жертвы первоначально находятся в остром шоковом состоянии, переходящем в паническое настроение, сменяющееся острыми ситуационными фобиями, вызванными отсроченным переживанием близкой смерти. Дальнейшее посттравматическое состояние жертв варьируется в зависимости от психических особенностей личности в диапазоне от углубления апатии до возвратной агрессии.

Еще более сложная виктимологическая ситуация возникает в результате терактов с использованием заложников. Специальное исследование ситуации в Буденовке было проведено Н. Н. Пуховским сразу после теракта летом 1995 г.: «Первоначальная атмосфера растерянности и страха (террора), царившая в городе в первые дни после нападения, быстро сменилась на двойственную, внутренне противоречивую атмосферу бессильной, беспомощной подверженности чужой злой воле, ожидания вреда и ущерба с одной стороны, и оскорбленного достоинства, настороженности и повышенной готовности к отражению угрозы, с другой. Все это проявлялось расстройствами поведения и деятельности – почти полным падением трудоспособности, концентрацией внимания на психотравмирующих событиях, пандемическим распространением слухов. Широкая распространенность расстройств сна (бессонница), изобилие жалоб на плохое самочувствие... сопутствовали подспудному чувству вины в форме самоупрека за испытываемое чувство радости и облегчения, что “миновала чаша сия”» [16,84].

Заложники, вследствие брошенного террористами вызова, обращенного к социуму и власти, составляют особую социальную группу из случайных людей, в которой спонтанно вырабатываются специфические тактики выживания в экстремальных условиях. Поневоле они интегрируются в некое неформальное временное сообщество индивидов, объединенных общими страхами и общими надеждами. Неоднородность сообщества заложников, предопределенная дифференцированностью поведенческих психологических реакций на террористическое действие, таит в себе возможность как эскалации напряженности, так и временной, относительно спо-

койной передышки перед развязкой событий. Д. В. Ольшанский по рассказам освобожденных заложников выделил три возможных типа поведения заложников. «Первый тип – это регрессия с “примерной” инфантильностью и автоматизированным подчинением, депрессивное переживание страха, ужаса и непосредственной угрозы для жизни. Это апатия в ее прямом немедленном виде. Второй тип – это демонстративная покорность, стремление заложника “опередить приказ и заслужить похвалу” со стороны террористов. Это уже не вполне депрессивная, а, скорее, стеническая активно-приспособительная реакция. Третий тип поведения – хаотичные протестные действия демонстрации недовольства и гнева, постоянные отказы подчиняться, провоцирование конфликтов с террористами» [12,128].

На наш взгляд к выделенным типам следует добавить, по крайней мере, еще два. Четвертый тип составляют те, кто сумел сохранить контроль над своими действиями, кто взял на себя функции добровольных помощников в преодолении беды, искренних и смелых волонтеров, вдохновителей надежды на спасение. Их единицы, но они являются настоящими героями, противостоящими террористам не силой оружия, но силой выдержки, спокойствия, уверенности и любви к людям. Пятый тип можно условно обозначить, как «притаившиеся мстители». Также как и представители четвертого типа, они трезво оценивают сложившиеся обстоятельства, понимают невозможность и опасность открытого противодействия. Однако во внутреннем психическом их состоянии накапливаются ненависть к террористам, прогрессирующее желание мести, усиленно сдерживаемые призывы к инструментальной агрессии. Риск потенциального психологического и эмоционального срыва у представителей этой группы весьма велик. Особенно в период возможного штурма.

Штурм представляет собой апогей экстремализации опасности для заложников. Уровень потенциальной возможности смерти возрастает в несколько раз. Заложники оказываются в ситуации «между Сциллой и Харибдой», поскольку, с одной стороны, террористы часто используют их в качестве «живого щита», а, с другой стороны, они легко могут стать случайной жертвой стреляющих в террористов бойцов спецподразделений. Угроза еще более усиливается при потенциальной вероятности взрыва, спровоцированного началом штурма. К. С. Григорьева на основе проведенных ею социологических

исследований выдвинула предположение о существовании институализированного конфликта между двумя коалициями, противостоящими террористам, но враждебными по отношению друг к другу [3,52 – 59]. В первую группу, по ее мнению, входят заложники, переговорщики-общественники и журналисты, во вторую – военные и сотрудники МЧС. К. С. Григорьева полагает, что в основе конфликта лежит ощущение заложниками угрозы для их жизни, исходящей от освободителей- участников штурма. Реальная возможность гибели от рук бойцов спецназа является источником формирования в среде заложников негативных оценок действий военных, которые трансформируются в жестко оппозиционные отношения по отношению к властям, осуществляющим руководство спасательной операцией. Вместе с тем К. С. Григорьева отмечает: «Анализируя свидетельства пострадавших от терактов, можно также увидеть, что их поведение меняется в соответствии с поведением террористов и участников спецоперации. Так, заложники положительно отзывались о террористах, если те в ситуации штурма вместо того, чтобы использовать захваченных как “живой щит”, предлагают им, например, перейти в более безопасное место. Одновременно пострадавшие с благодарностью рассказывают об участниках спецоперации, если их действия соответствуют роли спасителей: когда они эвакуируют раненых заложников или закрывают их от ведущих огонь террористов. То есть, если действия террористов или освободителей становятся полезными и дружественными по отношению к заложникам, последние демонстрируют им свое одобрение» [3,56]. Упомянутые в приведенном фрагменте статьи спецназовцы, в случае их гибели или ранения, без всякого сомнения, могут быть причислены к жертвам террористических актов. Они – не случайные жертвы, коими являются заложники. Исполняя свой профессиональный долг, бойцы и офицеры спецподразделений сознательно идут на смертельный риск, спасая жизни жертв первой волны терактов, т.е. тех. На кого изначально был направлен террористический удар. Спасателей-спецназовцев можно условно обозначить как жертв второй волны террористического воздействия. Их жертвенный статус становится фоновым по отношению к основной освободительной миссии участников спецоперации. Жертвы-освободители, в первую очередь, выступают как носители героического имиджа, как знаковые фигуры борьбы с терроризмом.

Совершенно иные особенности характеризуют поведенческие и социокультурные реакции жертв третьей волны теракта. Шоковый удар от известия о террористическом акте для родственников потерпевших оказывается иногда даже более глубоким по силе эмоционально-психологического воздействия, чем для непосредственных жертв. Их сковывает страх неизвестности, разрывает неумная жажда стремительных спасательных мер, обескураживает бессилие возможности реальных действий. Расчеты террористов во многом строятся на опосредованное влияние на власть и массовое общественное мнение, осуществляемое через родственников и близких жертв первой волны. Одна из главных стратегических задач для организаторов терактов – сфокусировать общественное мнение на негативном восприятии действий военных и властей. В данном контексте важно обратиться к широко известному феномену «стокгольмского синдрома», когда некоторые заложники после совершения теракта демонстрируют оправдательные рефлексии по отношению к террористам и враждебные по отношению к военным и властям. Подобное поведение трактуется исследователями как форма психологической защиты в критической ситуации или как кратковременное дисфункциональное расстройство психики. Однако, в конструировании положения, приводящего к «стокгольмскому синдрому» игнорируется то влияние, которое оказывается на заложников со стороны родственников, близких, друзей уже после их освобождения. Показательно, что симптомы «стокгольмского синдрома» проявлялись спустя определенное время после освобождения, тогда как в период заложничества будущие «стокгольмцы» отличались «хаотичными протестными действиями, провоцировавшими конфликты и угрозы агрессии со стороны террористов» [12,129]. Д. В. Ольшанский объяснял причину подобных ситуационных дисторсий проявлением своеобразной истерии облегчения. Но, вполне вероятно, что катализатором развития «стокгольмского синдрома» могло послужить негативное восприятие и оценка действий властей и силовиков со стороны жертв третьей волны, точнее, определенной ее части, выражавшей недовольство фактом приверженности власти к разрешению террористической ситуации насильственными штурмовыми методами. Близкие родственники жертв первой волны нацелены, прежде всего, на компромиссное переговорное завершение

теракта. Безопасность заложников для них – безусловная доминирующая ценность, перед которой все остальные мотивы должны быть отодвинуты на задний план. В действиях спецподразделений спасателей они, не без оснований, видят резкое усиление опасности для жизни заложников. Параллельно происходит точечная фокусировка на просчетах и ошибках в организации и проведении спасательной операции. Концентрация отрицательной информации по отношению к власти перерастает во враждебные, конфликтоносные отношения, которые, к сожалению, воспроизводятся с достаточной долей регулярности. Данное психологическое состояние, сформированное негативными эмоциями, ощущениями и оценками, по-видимому, лежит в основе явления, именуемого «стокгольмский синдром». Пресловутая же толерантность по отношению к террористам и оправдательные тенденции в структуре этого феномена носят производный, сопроводительный характер. Жертвы терактов третьей волны, неразрывно связанные с непосредственными жертвами, несут в себе мощный информационный заряд воздействия на общественное мнение, который нередко используется террористами в манипулятивных целях давления на власть, или дискредитации ее.

В предлагаемой классификационной системе жертв терроризма особняком стоит такая специфическая группа, как определенная часть террористов, обнаружившая черты виктимности в результате манипулирования их сознанием со стороны террористических сил. Обозначим их как жертвы террористической пропаганды. Безусловно, лица, совершившие террористические преступления, в массовом общественном мнении не могут быть оправданы никакими обстоятельствами. Вместе с тем, нередко исполнители террористических актов оказывались втянутыми в деятельность террористических организаций особыми провокационными средствами, применяемыми вербовщиками. К таковым можно отнести использование наркотических и психотропных средств, применение методов нейролингвистического программирования и гипноза, воздействие на неустойчивую и неокрепшую детскую психику, нагнетание атмосферы психологической подавленности к людям, испытавшим морально-нравственные проблемы в семейных или личных отношениях. Объектами вербовщиков могут стать молодые люди, которые чувствуют себя изгоями, аутсайдера-

ми, непонятыми и отвергнутыми в своем социальном окружении. Используя социальные сети в Интернете, наемные «ловцы душ» из террористических организаций, стремятся играть на проблемах человека, сосредотачивая усилия на беспощадной целенаправленной критике окружающего мира. Будучи специалистами в области психологической манипуляции, они работают над закреплением в сознании потенциальных бойцов террористического фронта комплексов, направленных на отторжение от привычного социума, на формирование мессианских идеалов борьбы с «вселенским злом», за установление «истинного справедливого общества. В действующей схеме вербовки большую роль играет ставка на пропаганду и агитацию среди детей, подростков и женщин с использованием зрелищных эффектов воздействия, манипуляционных и игровых форм, тяги людей к простым коммуникативным отношениям. Вся совокупность подобных средств нередко приводит к возобладанию в сознании жертв террористической пропаганды атмосферы социокультурной деструктивности: «Социокультурная деструктивность применительно к терроризму обнаруживается в двух адресных формах своей функциональности: корпоративном деструктивном воздействии на социум и личностной деструкции носителей террористического мировоззрения. Оба эти процесса теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены. Террористическая практика деструктивного давления на общественное мнение неизбежно интериоризируется на внутреннее ментально-психологическое состояние участников террористических действий и, как следствие, может привести их к морально-нравственной деградации и саморазрушению личности» [15,124–125].

В завершении классификационного обзора жертв терроризма следует выделить еще одну группу – жертвы терророфонии [14,9]. По большому счету огромная массовая аудитория, вовлеченная через средства массовой информации в переживания трагических событий терактов, становится объектом террористического вызова, и, соответственно, может быть определена как его жертва, жертва четвертой волны. В ней дифференцируются национальные, конфессиональные, профессиональные и иные социальные слои, являющиеся главными мишенями террористов, как и социальные институты, от которых террористы хотят добиться выгодных для своих целей решений.

Подводя общие итоги, можно констатировать, что понятие «жертвы терроризма» фиксирует обобщающее название всех жертв, испытавших террористическое воздействие в разных формах и проявлениях. В данном исследовании автор предложил дистанцироваться от юридической детерминированности проблемы классификации жертв терроризма и опереться в исследованиях на междисциплинарный подход, учитывающий социально-политическую природу возникновения террористических угроз, криминологическую предопределенность их осуществления, психологические особенности восприятия террористической опасности, а так-

же информационную составляющую распространения и развития терроризма. В предложенной классификационной схеме жертв терроризма были выделены такие важнейшие системные звенья, как «жертвы террора», «жертвы террористических актов», «жертвы террористической пропаганды», и «жертвы терророфонии», даны их общие характеристики. Новая классификация, выработанная в ходе предпринятого анализа, достаточно условна. Но она позволяет расширить границы видения виктимологической проблемы, дает возможность сфокусировать внимание на специфике адресной реабилитации по отдельным выявленным группам жертв терроризма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васнецова А.С. Идеология терроризма // Социодинамика. 2014. № 12. С. 36-58. DOI: 10.7256/2409-7144.2014.12.10831. – URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10831.html
2. Вишневецкий К.В. Терроризм: виктимологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2013. Вып. 5. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/5/yurisprudentsiya/vishnevetskiy.pdf.
3. Григорьева К.С. Теракт с захватом заложников (обнаружение институализированного конфликта на «этой стороне») // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 52-59.
4. Кабанов П.А. Виктимология терроризма как частная виктимологическая теория: понятие, содержание, предмет, структура. – URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1164.html>.
5. Кабанов П.А. Криминологическая концепция криминальной политической виктимологии // Право и политика. 2012. № 11. С. 1885-1892.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: «Эксмо», 2004.
7. Лягушкина Л.А. К оценке информационного потенциала «Книг памяти» в сравнении со следственными делами жертв «Большого террора» // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 2. С. 157-166. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.2.12457.
8. Макарова Т.В. Типология жертв терроризма // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 8. С. 213-226 – URL: http://e-notabene.ru/lr/article_9338.html.
9. Макарова Т.В. Основания классификации жертв терроризма // Юридические исследования. 2014. № 4. С. 29-58. DOI: 10.7256/2409-7136.2014.4.9328. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9328.html/
10. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы. М., 2006. С. 6-42.
11. Одесский М., Фельдман Д. Террор как идеологема (к истории развития) // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 155-166.
12. Олышанский Д.В. Психология террора. Екатеринбург: «Деловая книга», М.: Академический проект, ОППА, 2002. 320 с.
13. Петухов В.Б. Терроризм как социокультурное явление. Ульяновск, 2006. 108 с.
14. Петухов В.Б. Феномен терроризма в информационном пространстве культуры: Автореф. дисс. ... на соиск. уч. ст. докт. культурологии. М., 2009. 49 с.
15. Петухов В.Б. Терроризм как форма социокультурной деструктивности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 11(66) Общественные и гуманитарные науки (философия, языковедение, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология): Научный журнал. СПб., 2008. С. 124-128.
16. Пуховский Н.Н. Психопатологические последствия чрезвычайных ситуаций. М.: Академический Проект, 2000. 286 с.
17. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб: «Питер», 2002. 304 с.
18. Ривман Д.В., Устинов В.С. Понятие и предмет виктимологии // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Вып. 1. ч. 1. Нижнекамск, 1999. С. 66.

19. Франк В. Человек в поисках смысла. М.: «Прогресс», 1990. 368 с.
 20. Христенко В.Е. Психология поведения жертвы. Ростов-на Дону: «Феникс», 2004. 416 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vasnetsova A.S. Ideologiya terrorizma // Sotsiodinamika. 2014. № 12. С. 36-58. DOI: 10.7256/2409-7144.2014.12.10831. – URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10831.html
2. Vishnevetskii K.V. Terrorizm: viktimologicheskii aspekt // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. Vyp. 5. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/5/yurisprudentsiya/vishnevetskiy.pdf.
3. Grigor'eva K.S. Terakt s zakhvatom zalozhnikov (obnaruzhenie institualizirovannogo konflikta na «etoj storone») // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2009. № 5. S. 52-59.
4. Kabanov P.A. Viktimologiya terrorizma kak chastnaya viktimologicheskaya teoriya: ponyatie, sodержanie, predmet, struktura. – URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1164.html>.
5. Kabanov P.A. Kriminologicheskaya kontseptsiya kriminal'noi politicheskoi viktimologii // Pravo i politika. 2012. № 11. С. 1885-1892.
6. Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniem. М.: «Eksmo», 2004.
7. Lyagushkina L.A. K otsenke informatsionnogo potentsiala «Knig pamyati» v sravnenii so sledstvennymi delami zhertv «Bol'shogo terrora» // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2014. № 2. С. 157-166. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.2.12457.
8. Makarova T.V. Tipologiya zhertv terrorizma // NB: Voprosy prava i politiki. 2013. № 8. S. 213-226 – URL: http://e-notabene.ru/1r/article_9338.html.
9. Makarova T.V. Osnovaniya klassifikatsii zhertv terrorizma // Yuridicheskie issledovaniya. 2014. № 4. С. 29-58. DOI: 10.7256/2409-7136.2014.4.9328. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9328.html/
10. Malkina-Pykh I.G. Psikhologiya povedeniya zhertvy. М., 2006. S. 6-42.
11. Odesskii M., Fel'dman D. Terror kak ideologema (k istorii razvitiya) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1994. № 6. S. 155-166.
12. Ol'shanskii D.V. Psikhologiya terrora. Ekaterinburg: «Delovaya kniga», М.: Akademicheskii proekt, OPPL, 2002. 320 s.
13. Petukhov V.B. Terrorizm kak sotsiokul'turnoe yavlenie. Ul'yanovsk, 2006. 108 s.
14. Petukhov V.B. Fenomen terrorizma v informatsionnom prostranstve kul'tury: Avtoref. diss. ... na soisk. uch. st. dokt. kul'turologii. М., 2009. 49 s.
15. Petukhov V.B. Terrorizm kak forma sotsiokul'turnoi destruktivnosti // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. № 11(66) Obshchestvennye i gumanitarnye nauki (filosofiya, yazykoznanie, literaturovedenie, kul'turologiya, ekonomika, pravo, istoriya, sotsiologiya, pedagogika, psikhologiya): Nauchnyi zhurnal. SPb., 2008. S. 124-128.
16. Pukhovskii N.N. Psikhopatologicheskie posledstviya chrezvychainykh situatsii. М.: Akademicheskii Proekt, 2000. 286 s.
17. Rivman D.V. Kriminal'naya viktimologiya. SPb: «Piter», 2002. 304 s.
18. Rivman D.V., Ustinov V.S. Ponyatie i predmet viktimologii // Vestnik nauchnykh trudov Nizhnekamskogo filiala Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta. Vyp. 1. ch. 1. Nizhnekamsk, 1999. С. 66.
19. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla. М.: «Progress», 1990. 368 с.
20. Khristenko V.E. Psikhologiya povedeniya zhertvy. Ростов-на Дону: «Феникс», 2004. 416 с.